

ИСПОВЕДЬ ПУСТОТЫ

АЛНА
ВЕДЕСОВА

Алина Велесова

Исповедь пустоты

«Автор»

2026

Велесова А.

Исповедь пустоты / А. Велесова — «Автор», 2026

У каждого желания есть цена. И платят за него не в момент загадывания, а на пороге исполнения. Сначала отдают надежду, потом покой, затем память — пока не останется только воля, натянутая в сторону вечности. Говорят, можно дойти до Владычицы Нави и вымолить отсрочку. Один заплатил своей вечностью — и застыл во льду, чтобы она могла дышать. Другая идёт по его следам, не зная, что ищет. Когда память возвращается, она понимает: есть ещё одна сделка. Её цена — не вечность. А возможность сказать «прощай». Это история о том, что остаётся после. О том, что любовь — иногда не быть вместе, а не дать другому исчезнуть одному. Даже если для этого придётся сломать законы смерти. И то, что ты возвращаешь, уже никогда не будет прежним. Как и ты сам.

© Велесова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Обет, разбитый железом	6
ГЛАВА 2	8
След Ворона и костяные врата	8
Глава 3	11
Мой фаворит – договор с пустотой	11
Глава 4	13
Тень Чарома	13
Глава 5	15
Испытание наблюдением	15
Глава 6	18
Трещина	18
Глава 7	20
Сад серебряных листьев	20
Глава 8	22
Серебро и земляника	22
Глава 9	25
Шепот в толще камня	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алина Велесова

Исповедь пустоты

Пролог

«Рождённый с печатью проклятья
на челе, он был гоним отовсюду,
гоним по земле».
Ария – Беспечный ангел

Есть цена за каждое желание. Особенно – за самое сокровенное. И платят за него не тогда, когда его загадывают, а тогда, когда оно почти сбывается.

Сначала отдают надежду. Потом – покой. Потом – память. По кусочку. Пока от тебя не останется одна только воля, тугая, как тетива лука, направленная в самую тьму.

Говорят, если пройти через врата, что стоят на пересечении мира живых и мёртвых, можно выпросить у самой смерти отсрочку. Можно вернуть то, что она забрала. Но чтобы найти эти врата, нужно сначала спросить дорогу у существа, которое само является частью кошмара. И расплатиться с ним нечем, кроме как куском собственной души.

Один заплатил. Теперь он – ходячая пустота с чужим долгом внутри. Он идёт, не зная куда. Он помнит всё, кроме того, что важно.

Эта история – о том, что наступает после сделки. После того, как желание куплено, цена уплачена, а путь – начат. Это история о том, что остаётся от человека, когда он добровольно отказывается от себя.

И о том, что иногда то, что ты вернёшь, уже никогда не будет прежним. Как и ты сам.

Глава 1

Обет, разбитый железом

Луна, словно Велесова Пряжа, озаряла хмурый небосклон алым мерцанием, окрашивая заметённую снегом землю. Метель, подвластная духам стужи, не унималась здесь много недель, и в одну из особенно лютых ночей, когда кровожадный месяц Стрибог плясал в вышине, на свет появился младенец вампирских кровей. Отец, потомок древнего упыриного рода, нарек его Адалом.

Адал вырос существом, в чьем облике сочетались леденящая красота и зловеший отблеск проклятия. Высокий и статный, он двигался с призрачной, кошачьей грацией, а его лицо, бледное, будто высеченное из лунного света, хранило вечную печать отрешенности. Глаза, темные, как беззвездная полночь, таили в себе глубину прожитых веков и тихую, неиссякаемую тоску. Его благородные, резкие черты могли бы принадлежать павшему ангелу, если бы не легкая тень голода, мерцающая в их очертаниях, и едва заметные острия клыков, скрывавшиеся за губами. Он был благороден, но вечно проклят – дитя кровавой луны и носитель древней, голодной сущности.

Именно такое имя даровал ему отец, ибо дитя родилось под пляской кровавой луны, что считалось в тех краях знаком самого Чура, предвещающим беду. Шептались в селениях, что дитя, пришедшее в такой день, принесет мор и раздор. Веря старому поверью, сына начали винить во всех напастях. А когда в отрочестве Адала упокоилась его мать, отец, не в силах сносить тяжкий взгляд, сослал отрока в старый семейный терем, что глухо стоял на опушке, граничащей с Навьим лесом. Там Адалу пришлось научиться выживать меж древних стен, помнящих шепот теней, дабы не сгинуть в жестоком мире, где даже ночь таила угрозу.

Среди седых, заиндевевших деревьев внезапно раздался звонкий смех, нарушивший мертвящую тишину.

– Я с тобой в догонялки больше не играю! Ты слишком быстр, это нечестно, – сквозь смех прозвучал женский голос, легкий, как хруст инея.

Перед ней материализовалась тень, обернувшаяся Адалом.

– Что ж, тогда во что? Для догонялок я быстр, в прятках чую твой запах – смесь полыни и черёмухи, а в гляделках...

С нечеловеческой, упыриной скоростью он оказался рядом, мягко наклонил её, придерживая за тонкую талию, и устремил темный взгляд в её очи. Девушка, Исмир, была его полной противоположностью и самым ярким светом в его бесконечной ночи. Её красота была живой и тёплой, словно пламя костра в глухой лесной тьме. Медные, огненные волосы, сплетённые в венки кос, казалось, хранили в себе последнее дыхание осеннего солнца. Кожа, усыпанная веснушками, отливала тёплым золотом, а в широко распахнутых глазах искрилось янтарное сияние – смешливое, мудрое и бесстрашное. В её гибком стане, в каждом движении чувствовалась дикая, природная грация лесной нимфы или молодой ведьмы, знающей каждую травинку и шепот ветра.

– Не способен отвести взор от твоих янтарных очей, моя Исмир, – прошептал он, и в голосе его зазвучала древняя, как сам лес, тоска.

Девушка-ведьма смущенно рассмеялась, и алые искры заиграли в её глазах.

– За словом, как за колдовским зельем, ты в карман не лезешь, Адал.

Улыбнувшись, он помог ей выпрямиться, но рук не отпустил, нежно поглаживая костяшки её тонких пальцев.

– Не представляешь, как жажду назвать тебя своей суженой, – голос его потемнел. – Но твои заветы, твой круг...

– Потерпи еще немного, – тихо молвила Исмир, касаясь его холодной щеки. – Не могу нарушить обет и выйти замуж до двадцати трех весен. Я люблю тебя пуще лесного сердца, но традиции священны.

Её пальцы любяще переплелись с его пальцами, и их ладони соединились, будто два защитных берега.

– Я дождусь, – страстно произнес Адал, и в его глазах вспыхнула искра, что пережила века. – Мы сплетем наши судьбы в одну, уедем в далекие края и создадим семью. Там будешь ты, я и трое наших чад.

– Хорошо, как пожелаешь, мой будущий ненаглядный муж, – улынулась она, и смех её вновь зазвенел среди сосен.

Они гуляли ночь за ночью, наслаждаясь крадущимися свиданиями. Но в один из дней, придя к её уединенной избе, Адал почуял в воздухе запах железа и страха. Дверь была вывернута с петель. Мир, державшийся на хрупком счастье, рухнул в тишине. Внутри, на пороге, запятнанном странными знаками, лежало бездыханное тело Исмир. Глаза её прекрасные, янтарные, смотрели в пустоту. Охотники на ведьм, – пронеслось в остуженном яростью разуме. Подойдя на шатких ногах, он склонился над ней. В груди, где давно не билось сердце, заклокотала древняя, слепая ярость, требующая расплаты. Бережно подхватив легкое тело, он уложил возлюбленную на походную постель, заправив прядь огненных волос за её бледное ухо.

– Как же так... Этого не должно было случиться... Зачем мне вечность, если в ней нет тебя? – его голос, обычно твердый, разбился о каменное безмолвие комнаты.

Он обнял её, прижав к груди, и так, в немом отчаянии, уснул с ней в обнимку с последними лучами убывающей луны. Проснувшись на рассвете, когда тени были самые длинные, он нехотя отпустил её чтобы подняться, но тут же поднял её на руки и направился в самую глушь, к Лешему, хозяину и стражу этих земель.

Шёл он до самых сумерек, пока не увидел избушку, вросшую в могучий дуб, словно они были единым целым. Старый, замшелый Леший, больше похожий на сучковатое дерево, чем на человека, уже ждал его на пороге. Его глаза, как два уголька, без удивления упали на безжизненную ношу в руках упыря.

– Входи, чадо ночи, – проскрипел он, пропуская Адала внутрь.

Уложив Исмир на дубовую лавку, Адал повернулся к лесному духу.

– Дядька Леший... Ты, что старше рек и помнишь рождение этих деревьев... Знаешь ли ты способ вернуть жизнь в её тело? – голос Адала был полон тщетной надежды.

Леший тяжело вздохнул, и в избушке запахло прелой листвой и грустью.

– Только Мара, Владычица Теней и Повелительница Нави, может даровать жизнь той, чью душу она уже приняла в свои чертоги, – прошелестел он.

– Как мне попасть к ней? Я жизнь отдам, душу откуплю, лишь бы она вернулась! – в глазах Адала вспыхнул лихорадочный блеск.

– Пути в её царство сокрыты, милоч, – покачал седой головой Леший. – Знаю лишь, что с Бабой-Ягой они когда-то, много тысячелетий назад, были подругами. Может, у старой ведуньи в её избушке и остались свитки с забытыми дорогами. Спроси у неё. Но помни – с Ягой шутки плохи. Она потребует плату.

Адал низко, по-старому, поклонился хозяину леса. Оставив тело возлюбленной под его охраной, он вышел в темнеющую чащу. Теперь его путь лежал к Бабе-Яге. Путь в самое сердце древних кошмаров, туда, куда даже упыри ступают со страхом. Но для Исмир он был готов бросить вызов самой Нави.

ГЛАВА 2

След Ворона и костяные врата

Путь к избушке Бабы-Яги не был отмечен на картах, его можно было лишь прочувствовать кожей, уловить нутром. Адал шел уже вторые сутки, и лес, знакомый и почти родной, менялся с каждым шагом, становясь чужим и зловещим. Сосны и ели, покрытые инеем, сменялись кривыми, черными ольхами, чьи ветви скрючились в немом ужасе. Воздух стал густым, сладковато-прелым. Тишина была выжидающей, натянутой, как тетива. Отчаяние и ярость бушевали в нем, но они были плохими проводниками в этом месте, где тропы переплетались с иллюзиями, а пространство подчинялось иной логике.

Он стоял на развилке трех троп, затерянных в тумане, и впервые за всю свою долгую не-жизнь чувствовал растерянность. Каждая тропа манила и пугала одновременно, и на всех витал одинаковый запах разложения и древней магии. Время утекало сквозь пальцы, а тело Исмир оставалось под охраной Лешего, чье терпение не могло быть вечным.

– Заблудился, птенчик проклятый? – хриплый голос раздался сверху.

Адал резко поднял голову. На обломанной сухой ветке сидел ворон. Но не обычный. Он был размером с ястреба, и его перья отливали не синевой, а мертвенной, маслянистой чернотой, словно впитали в себя всю тьму этих мест. Глаза птицы светились холодным, разумным янтарем.

– Кто ты? – прошипел Адал, готовый к нападению.

– Смотрящий. Страж перепутий, – скрипуче каркнул ворон. – Видел, как ты шел. Чувал твою боль за версту. Она пахнет свежо, а здесь всё давно протухло. Ищешь Старуху?

Адал насторожился. Помощь в Навьем лесу не приходит просто так.

—Ищу. Что тебе надо?

– Скучно мне, – птица повернула голову почти на 180 градусов, осматривая чашу. – Века стою на этом перекрестке, направляю дураков на верную погибель или чуть менее верную. Но твой случай... интересный. Ты не просто смертный, жаждущий бессмертия, и не глупец, ищущий клад. В твоих очах горит настоящая потеря. Это редкость. Это... ценится.

– Ты поведешь меня к ней? – в голосе Адала прорвалась нетерпеливая хрипотца.

– Возможно. Но сперва ответь: зачем тебе Яга? Цену ее помощи знаешь?

– Мне нужен путь к Маре. Чтобы вернуть жизнь той, что была отнята. Леший сказал, что у Яги могут быть свитки, карты забытых дорог.

Ворон задумчиво клюнул собственную грудь, выдернув перо. Оно, падая, превратилось в комок черного тумана и растаяло.

—К Маре... Хм. Старая сплетница наверняка сохранила что-то от их былой дружбы. Любит она такие безделушки. Ладно. Я укажу дорогу. Но плата будет.

– Я готов.

—Еще не знаешь, о чем речь, – язвительно каркнул ворон. – Плата – это твоя история. Вся. От первого воспоминания до этой самой минуты. Я буду лететь рядом, а ты будешь говорить. Мне скучно, а истории – лучшая валюта в этих краях. Они питают. Согласен?

Адал сжал кулаки. Выворачивать свою боль, свой позор, свою проклятую жизнь перед этим тварем? Но за спиной у него была лишь пустота, а впереди – призрачный шанс. Ради Исмир.

—Согласен.

— Тогда пошли. Первая тропа, что слева. Та, что пахнет белыми грибами и ложью, — скомандовал ворон, тяжело взмахнув крыльями и взлетев, чтобы парить чуть впереди.

И Адал пошел, скрипя зубами, начав свой рассказ. Он говорил о дне своего рождения под пляской Стрибога, о страхе в глазах отца, о холодных стенах семейного терема, о шепоте теней, ставших его единственными собеседниками. Он рассказывал о первой встрече с Исмир, когда ее смех, как весенний ручей, растаял мертвящую тишину его мира. Ворон слушал молча, лишь изредка покаркивая, подгоняя повествование.

По мере рассказа лес вокруг менялся. Деревья начинали шевелиться, ветви тянулись к нему, но стоило ворону каркнуть резко и громко, как они замирали, будто узнавая в птице старого надсмотрщика. Туман расступался, открывая тропу, которой минуту назад не было. Они шли через высохшее русло, где в окаменевшей гальке были застыли лица плачущих духов, и ворон объяснял, не поворачивая головы.

— Не смотри им в глаза, продолжи свой рассказ. О ее волосах. Как они пахли?

И Адал, стиснув зубы, продолжал, заглушая ужас внешний болью внутренней. Он описывал крадущиеся свидания, теплоту ее рук, планы о будущем, которые теперь казались наивным детским лепетом. Он дошел до момента, когда нашел ее избу с вывернутой дверью, и голос его сломался.

— Дальше, — сухо приказал ворон. — Важна каждая деталь. Запах. Цвет знаков на пороге. Положение тела. Это не просто история. Это цена.

И Адал, сквозь сдавленную ярость и отчаяние, выдавил из себя последнее, до мелочей. Рассказ закончился у избушки Лешего. Они вышли на опушку, где земля сменилась хрустящим, костяным покровом. Белели в темноте ребра, черепа, берцовые кости. А впереди вздымался Частокол.

Он был соткан из гигантских костей, с черепами на пиках, в чьих глазницах мерцали синие огоньки. Ворота — две массивные лопатки — были закрыты. Перед ними, на треноге из трех голеней, сидела Кикимора, тощая и мокрая, с одним огромным глазом.

Ворон камнем упал с неба и сел на костяной выступ рядом с Адалом.

— Моя часть сделки выполнена. Его — тоже. Он заплатил историей. Пропусти его, стража. Его ждет Старуха.

Кикимора медленно повернула свою голову, скрипя позвонками. Ее водянистый глаз перешел с Адала на ворона.

— Ты... опять приводишь гостей, говорящий. Надоело тебе тихое несение службы?

— Мне надоела тишина. Он шумный внутри. Полон криков, — каркнул ворон. — Яге такое понравится. Или нет. Но это уже не наша забота. Открывай.

Кикимора, нехотя пошипев, махнула костлявой рукой. Костяные ворота с глухим скрежетом разошлись, открывая вид на поляну. И на ней, присев на гигантских куриных ногах, дышала тяжелыми вздохами крыши Избушка Бабы-Яги. Окна-глаза прищуренно светились желтым, недобрым светом. Вокруг на кольях покачивались светящиеся тыквы.

— Ступай, — сказал ворон Адалу. — Моя дорога заканчивается здесь. Помни: она потребует новую плату. И на сей раз это будет не история.

Птица взмыла вверх и растворилась в свинцовом небе. Адал остался один перед взглядом косых окон. Дверь с резным, искаженным солнцем сама собой с скрипом приоткрылась, и оттуда повалил густой, удушливый пар, пахнувший вареными кореньями, горечью полыни и свежей кровью.

– Ну что застыл, медовый? – прогремел изнутри хриплый, полный вечного раздражения голос. – Иди, расскажешь, зачем тебя Ворон-вещун ко мне приволок! Да поживее! Адал переступил порог, и мир снаружи захлопнулся.

Глава 3

Мой фаворит – договор с пустотой

Избушка внутри оказалась бесконечно больше, чем снаружи... В центре помещения, у печи, пылающей сине-зеленым пламенем, стояла она. А у массивного стола, заставленного склянками, в кресле, сколоченном из корней и обтянутом кожей, сидел кто-то еще.

Юноша. Лет восемнадцати, не больше. Поразительной, почти неестественной красоты, словно выточенной из темного мрамора холодным, но искусным резцом. Иссиня-черные волосы со сверкающими словно серебро белыми прядями, гладкие и тяжелые, ниспадали на плечи. Лицо – с резкими, благородными чертами и бледной, прозрачной кожей. Но в его темных, как спелые сливы, глазах светился тот же самый, что и у Бабы-Яги, острый, всевидящий ум, только прикрытый слоем учтивой скуки. Он медленно перелистывал страницы огромного фолианта, сшитого, казалось, из шкур.

– Не обращай внимания, милоч, – хрипло бросила Яга, заметив взгляд Адала. – Это мой внучек, Чаром. Красив, да? В меня. Только характер, слава духам, не мой – не такой уж занозливый. Мыслит, гаденыш, любит порядок в склянках да в свитках. И колдовать – тихо, без моей трескотни.

Чаром поднял глаза. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по Адалу, будто взвешивая его на незримых весах. Он кивнул едва заметно, вежливо, но без тепла. Длинные пальцы с безупречно чистыми ногтями легонько постучали по пергаменту.

– Бабушка преувеличивает свою «трескотню», – произнес юноша. Голос у него был низкий, бархатный, идеально выверенный. – Она просто любит, когда ее слышат. А ты, вижу, пришел не слушать, а искать. Интересно.

Диалог с Ягой о цене и пути шел своим чередом. Чаром снова погрузился в книгу, но Адал чувствовал – тот слушает каждый звук. Когда старуха потребовала плату в виде «истории будущего», юноша тихо, но внятно произнес, не отрываясь от страниц:

– Элегантно. Болезненно и элегантно. Вам стоит согласиться. Альтернатива – быть вечным актером в ее личной пьесе – куда унижительнее.

В его тоне не было сочувствия, лишь констатация факта, как ученого, оценивающего эксперимент.

Когда речь зашла о входе через тень, Яга рывкнула:

—Чаром! Черное Зеркало, будь добр. Не время ему пылиться.

– Конечно, бабушка, – юноша встал с неспешной, кошачьей грацией. Он подошел к стене, где висело несколько темных полотен, провел рукой над поверхностями, и одна из плит – та самая отполированная каменная глыба – сама легко сошла со стены и поплыла по воздуху, остановившись напротив Адала. Магия Чарома была тихой, точной, без лишних жестов.

—Навье зеркало, – пояснил он, глядя на Адала своими темными глазами. – Оно покажет не лицо, а суть пути. Вашу суть. Будьте готовы.

– Взгляни, – прошептала уже Яга.

Адал смотрел в зеркало, видел свою искаженную, живую тень. Чаром стоял рядом, скрепив руки на груди, наблюдая за ним и за отражением одновременно. Тень юноши в зеркале была странно статичной и четкой, как чернильный отпечаток.

– Как войти? – спросил Адал.

—Сильно захотеть. И перестать бояться самого себя, – сказала Яга.

В решительный миг, когда Адал собрался шагнуть, Чаром сделал легкое, едва заметное движение пальцем. На пороге перед черной поверхностью на мгновение вспыхнул и погас серебристый знак – не руна, а нечто вроде печати, сложной и запутанной.

—Для ориентира, – тихо сказал юноша, отвечая на немой вопрос во взгляде Адала. – Чтобы вы, если что, знали точку возврата. Долги надо отдавать. Бабушка не любит, когда ее обкрадывают.

В его голосе прозвучала не угроза, а спокойное, деловое напоминание.

– Удачи, птенчик, – сказала Яга. – Не забудь о долге. И вот что ещё ищи камень памяти там, где время стекает каплями в трещину мира.

Адал кивнул и шагнул в зеркало. Холод, тьма, поглощение. Последнее, что он увидел, – хищную усмешку старухи и прекрасное, невозмутимое лицо Чарома. Темные глаза юноши проводили его с легким, профессиональным интересом, будто наблюдая за ходом сложного ритуала. Его губы, казалось, шепнули что-то беззвучное, но понятное: «Любопытно».

Затем мир лопнул. Адал исчез.

В избушке воцарилась тишина. Чаром легким движением руки вернул Черное Зеркало на место.

—Печать возврата поставил? – прищурилась Яга, подходя к котлу.

—Стандартную, усиленную, – кивнул Чаром, уже снова усаживаясь за свой фолиант. – Он полон отчаяния и ярости. Это сильное, но нестабильное топливо для пути. Шансы 50 на 50, что дойдет.

—А твоя печать увеличит шансы? – в голосе старухи прозвучало одобрение.

—На семь процентов, приблизительно, – юноша пожал плечами, и в уголке его идеального рта дрогнуло подобие улыбки. – Мне интересно услышать его историю, когда он вернется. Особенно ту часть, что касается Мары. Ее тактика ведения дел в последние века... вызывает вопросы.

Он снова погрузился в чтение, прекрасный и невозмутимый, как темный принц в самом сердце кошмара, наводящий в нем свой безупречный и безжалостный порядок.

Глава 4

Тень Чарома

Мир за зеркалом оказался не просто тьмой, а искаженным подобием избушки, вывернутой наизнанку. Здесь не было пола, потолка или стен в обычном понимании – лишь бесконечные плоскости теней, наложенные друг на друга под невозможными углами. Воздух (если это был воздух) гудел тихим, навязчивым звоном, будто где-то вдалеке дрожала гигантская натянутая струна. Иногда звон срывался на скрип, похожий на звук рвущейся плотной ткани. Адал стоял на зыбкой, похожей на черный дым поверхности, оглядываясь. Света не было, но он видел – не глазами, а чем-то иным, внутренним зрением, обострившимся до боли. Очертания предметов проступали как воспоминания: там, где должна быть печь, пульсировало сине-зеленое пятно-призрак, испускающее слабые волны памяти о тепле; стол Яги угадывался в нагромождении угловатых, ломаных контуров, и казалось, будто они медленно вращаются вокруг невидимой оси.

И здесь, в этом царстве обратной перспективы и спутанных измерений, Адал увидел его. Чаром. Вернее, его тень.

Она стояла неподвижно, в стороне от призрачных очертаний избушки, совершенная и четкая, как тот самый чернильный отпечаток в зеркале. Но теперь, в своей собственной стихии, тень юноши обрела едва уловимые детали. В ее очертаниях угадывалась та же гордая осанка, та же тяжелая гладкость волос, и даже складка на рукаве, будто от ветра, которого здесь быть не могло. И она смотрела на Адала. Не глазами – их не было, лишь гладкая матовость в лицевой плоскости, – но ощущение внимательного, изучающего взгляда было осязаемым, давящим физически, как тяжелая рука на плече.

– Ты не должен был меня видеть, – прозвучал голос. Он был лишен бархатистости оригинала, плоским и безэмоциональным, будто доносящимся из всех точек пространства сразу, из каждой тени. – Моя печать – лишь маяк. Не проводник.

Адал попытался заговорить, но его собственный голос затерялся в гуле, поглощенный бесшумным воем этого места. Он сделал шаг вперед, и теневое пространство под ногами поплыло, исказившись, будто вода вокруг ныряльщика. Очертания «избушки» за его спиной сжались и размазались, как клякса.

Тень Чарома подняла руку – легкое, почти небрежное движение, полное сдержанной, абсолютной силы. Хаотичное движение теней вокруг Адала мгновенно утихло, плоскости встали на свои невозможные места, искажение стабилизировалось. На миг воцарился болезненный, неестественный порядок, тишина кроме того вечного звона.

– Ты нестабилен. Твоя суть – вопль. Он разрывает ткань этого места, – констатировала тень. Голос не изменил тона. – Это может привлечь... местных обитателей. Или разорвать печать возврата. Ты хочешь навсегда остаться эхом в этих складках?

В ее словах не было заботы. Была холодная констатация факта, как у ученого, наблюдающего за угрозой целостности экспериментальной установки, которую жаль терять из-за бракованного образца.

– Почему ты здесь? – сумел, наконец, выдохнуть Адал, и его мысль, облеченная в тень голоса, повисла в пространстве, оставив после себя рябь на теневых плоскостях.

Тень Чарома замерла, будто обдумывая, стоит ли тратить ресурсы на ответ. Ее матовый лик был повернут к Адалу без какого-либо выражения.

– Бабушка считает этот путь дорогой. Я считаю его системой, – наконец, прозвучало. Слово «система» прозвучало особенно весомо, обретя в этой бесформенности почти физиче-

скую плотность. – Любую систему нужно наблюдать, изучать, а иногда... корректировать. Ее методы устарели. Эффективны, но избыточно театральны. Полеты в ступе, черепа на тычинах... Это создает лишние переменные. Твоя ярость, твой личный хаос – еще одна переменная, которую она не учла в полной мере. Моя печать на зеркале – поправка на погрешность. Стабилизирующий фактор.

Адалу вдруг стало ясно с леденящей простотой. Баба-Яга была стихией, бурлящим котлом инстинктивной, древней магии. Чаром же был чем-то иным. Архитектором. Инженером. Картографом кошмаров. Он был здесь не для помощи, не для наставлений. Он был здесь для сбора данных. Адал был живым, страдающим зондом, запущенным в темные воды, и тень наблюдала за показаниями приборов.

– Используешь меня, – мысль Адала прозвучала не возмущением, а горечью и усталым признанием. Он был использован всегда, его будущее было украдено, а прошлое переписано. Почему этот мир должен быть другим?

Тень слегка наклонила голову, и этот жест казался здесь неестественно плавным, как движение часовой стрелки.

– Взаимовыгодное сотрудничество. Ты получаешь шанс дойти до конца Тропы, который без моей стабилизации был бы равен нулю с учетом твоего текущего состояния. Я получаю информацию о состоянии границ, об упругости реальности под давлением такой... яркой душевной боли. О тебе. Твоя «история будущего» будет крайне ценной для архива... если ты ее расскажешь. Но для этого нужно выжить. А для выживания здесь нужна не ярость. Нужна четкость.

Тень сделала паузу, и в этот миг Адал почувствовал, как из темноты позади него, из-за границ искаженной избушки, донеслось что-то. Не звук. Скорее, ощущение внимания. Голодного, лишнего формы, но направленного в их сторону. Плоскости вокруг едва дрогнули.

– Они уже заметили всплеск, – сказала тень, и в ее плоском голосе впервые мелькнул оттенок чего-то, похожего на интерес. – Сосредоточься. Определи цель. Не цель-желание, а цель-точку. Координату в этой пустоте. Вспомни следующую веху на Тропе. Удержи ее в уме, как единственный якорь. И ступай.

Тень начала растворяться, расплываясь в фоне, сливаясь с общей тканью места. Но последние слова донеслись, уже лишённые источника, навязчивые как тот самый звон:

– И помни, Адал. Здесь ты не воин. Ты – наблюдатель. Наблюдай. Все, что тебя не съест, сделает карту точнее.

Глава 5

Испытание наблюдением

«Здесь ты не воин. Ты – наблюдатель. Наблюдай. Все, что тебя не съест, сделает карту точнее».

Слова тени растворились в напряжённом воздухе, но их холодный смысл впился в Адала острее любого клинка. Он остался один посреди невозможной геометрии. Ощущение чужого внимания нарастало, давя на виски – зуд под кожей, шепот, слышимый костями. «Местные обитатели». Голодные законы этого места, пустоты, жаждущие наполниться чужим хаосом.

«Сосредоточься. Цель-точку. Координату», – прошипел он себе, пытаясь заглушить нарастающую панику. Он зажмурился, отключая внутреннее зрение. Нужно найти память, а не ярость. Тропу. Камень там, «где время стекает каплями». Безумная загадка Бабы-Яги теперь обрела зловещую буквальность.

Он попытался представить: тяжесть камня, гладкость, прохладу влаги, звук падающей капли. Но образы плыли, цепляясь за острые зазубрины памяти. Вместо ритмичной капли в ушах застучало сердце, учащенное и громкое. Он чувствовал, как гнев – старый, верный товарищ – шевелится в груди, предлагая простой выход: разбить, разорвать, заставить это место бояться.

«Наблюдай, черт тебя дери, просто наблюдай», – сквозь зубы прошептал он, сжимая кулаки до хруста в костяшках.

Пространство откликнулось, но не на концентрацию, а на его внутреннюю бурю.

Вместо четкого гула раздался визг, будто рвали металл. Окружающие плоскости задрожали и поплыли, но не формируя тоннель, а хаотично смешиваясь, как краски в мутной воде. Серая пелена перед глазами пульсировала в такт его сердцебиению. Из тьмы выползали не четкие арки, а что-то бесформенное, похожее на сгустки боли. Пол под ногами оставался зыбким, липким. Цель – пульсирующий свет вдали – мерцала, как на ветру, то приближаясь, то отдаляясь.

Адал сделал шаг, и пространство взвыло. Это был не стон, а вопль, сотканный из обрывков его же собственных кошмаров. Звуки накатили волной, не давая анализировать: яростный крик отца, обвиняющий его в слабости. Не плач, а полный ненависти шепот матери: «Зачем ты родился?» Хриплый смех братьев, подталкивающих его к краю пропасти в детской игре.

«Не слушай! Это не они!» – крикнул он сам себе, но было поздно. Эмоциональный слагбаум рухнул. Ярость, которую он пытался запереть, рванулась наружу, горячей волной ударив в виски. Он зарычал, отбиваясь от невидимых голосов, как от ос.

– Заткнитесь! Все, заткнитесь!

И в этот миг его собственная, невысказанная вслух ярость материализовалась. Из зеркальной поверхности пола перед ним вырвался сноп черных, похожих на щупальца, трещин. Они с грохотом побежали по стенам, и оттуда хлынул ледяной ветер забвения, едва не сбив его с ног. Тоннель содрогнулся. Свет цели погас на несколько долгих секунд.

Боль пронзила переносицу – тонкая струйка крови потекла из носа. Ошибка. Место отреагировало на его выплеск хаоса, вскормилось им и стало сильнее.

С трудом переводя дыхание, Адал понял. Его гнев был не щитом, а пищей. Он упал на колени, стараясь не смотреть на трещины, которые он создал.

«Наблюдай... – захлебываясь, прошептал он. – Просто... наблюдай».

Через силу он поднял голову, стирая кровь с губ. Шепоты еще звучали, но теперь он не пытался их заглушить. Он слушал, сквозь боль и унижение. Да, это интонация отца. Но

слова... слова были пусты, механически повторялись через равные промежутки. Плач матери усиливался, когда он задерживал дыхание. Это была система. Примитивная, ключающаяся на его физиологические реакции.

Собрав всю волю, он заставил себя дышать неровно, сбивая ритм. Звуки спутались, потеряли силу. Он поднялся, шатаясь, и пошел, нарочито ломая шаг. Осколки голосов отставали, превращаясь в фоновый шум.

Но цена была заплачена. Трещины на стенах не исчезли. Они пульсировали, и из них теперь сочился тусклый, ядовитый свет.

Следующая фаза наступила мгновенно. На стенах проступили лица. Жители деревни. Отец. Мать. Братья и сёстры. Их рты были открыты в беззвучном крике, а глаза – пустые воронки – смотрели прямо на него. И в этом молчаливом осуждении было столько правды, что холодный анализ снова затрещал по швам.

– Вы... вы все... – хрипло начал он, и чувство несправедливости, горькое и едкое, заполнило глотку.

Ему хотелось кричать на них, доказывать, что они ошиблись, что он не монстр. Эмоция, смесь гнева и отчаянной жажды оправдания, забурлила в нем. И лица на стенах отреагировали. Их пустые глазницы сузились, беззвучные крики исказились в гримасы презрения. Одно из лиц – принадлежавшее отцу – медленно повернулось и плюнуло сгустком теней в его сторону. Тень ударила в пол у его ног, оставив дымящееся пятно.

Он чуть не ответил тем же. Рука уже дернулась. Но в последнее мгновение он впился ногтями в ладони, болью вернув себе крупицу контроля. Нет. Это ловушка. Любая эмоция – даже отчаяние, даже жалость к себе – здесь была горючим.

Он опустил голову, смотря только на свои ноги. Шаг. Еще шаг. Он не оправдывался. Не спорил. Он был пустым сосудом, камнем на дне реки. Лица, лишённые отклика, начали бледнеть, но исчезали, медленно и неохотно, а следы их внимания – пятна, царапины на полу – оставались.

До цели оставалось немного. Но прямо перед выступом с Камнем пространство превратилось в зыбкую, серебристую трясину. В ее глубине копошились те же лица, руки, сплетенные в клубок вечного страдания. Шагнешь – утонешь.

«Цель-точку. Только цель», – бормотал он, из последних сил выстраивая в уме вектор к темно-синему камню.

Концентрация давалась мучительно. Образ камня прыгал перед глазами, смешиваясь с отблесками трещин на стенах, с гримасами призраков. Он чувствовал, как паника, холодная и липкая, подбирается к горлу. Не справиться. Не получится.

Собрав всю свою ярость, весь страх, всю боль, он не выпустил их наружу, а вогнал внутрь, сжал в одну титаническую волю – ЖЕЛАНИЕ. Оказаться оказаться там. Не наблюдать, не анализировать, а взять.

Пространство развеялось. Он оказался на краю утёса. Перед тем самым камнем. Руки сами схватили его. Камень был ледяным и невероятно тяжелым, будто вобрал в себя всю его только что потраченную ярость.

И в этот миг тишину разорвал плоский голос в сознании. Свет вспыхнул. Мир поплыл. Адала стало вытягивать назад.

И в последний миг он увидел. Тень стояла недалеко от одной из тех черных трещин, что он создал. Ее матовый лик был повернут к повреждению. Пальцы быстро двигались в воздухе. А потом она повернула голову и посмотрела прямо на него. В ее безглазых глазницах не было ни осуждения, ни одобрения. Было интерес. Интерес садовода, заметившего неожиданный, ядовитый росток.

Затем взгляд Тени скользнул вниз, к его рукам, сжимающим Камень. И Адал последовал за этим взглядом. На темно-синей поверхности камня, там, где должны были быть лишь про-

жилки, проступил новый узор: тонкая, алая, едва заметная трещинка. Она пульсировала в такт его учащенному сердцебиению.

Он не просто не справился. Он испортил артефакт. Своими эмоциями.

Белый вихрь поглотил его, унося с чувством не победы, а горького поражения и ледящего вопроса: что он принесет назад, в свой мир, кроме камня с трещиной своего собственного бессилия?

Тень наблюдала, пока вихрь не исчез. Затем она подошла к трещине, оставленной Адалом, и прикоснулась к ее краю. Структура пограничья вокруг повреждения дрожала, нестабильная. Она что-то записала. Эксперимент дал неожиданные, но весьма ценные данные.

– Ты потерял свой путеводитель, теперь ты сам будешь пролаживать свой путь до Мары.

Сказала тень Чарома указав в последний раз на едва видневшиеся в далеке терем Морены после чего растворилась в воздухе оставив слова висеть в воздухе.

Глава 6

Трещина

Адал сжал камень в ладони и собрав свои силы направился в сторону что указала тень Чарома.

В избушке Бабы-Яги, в ту самую секунду, когда в Навьем пограничье треснул Камень Памяти в руках Адала, случилось следующее.

Чаром первым оторвал взгляд от своего фолианта. Он не вздрогнул, не вскочил. Просто его длинные, безупречные пальцы замерли на пожелтевшем пергаменте. Темные, как спелые сливы, глаза сузились, уловив тончайший разлад в магических потоках, опутывающих избушку. Его собственная, идеально стабильная тень на стене дрогнула на секунду – и тут же замерла, выровненная силой воли.

– Интересно, – произнес он тихо, голосом, полным холодного, научного любопытства. – Эмоциональный резонанс превысил порог устойчивости артефакта. Трещина, не катастрофическая, но... симптоматичная.

Баба-Яга у своего котла, где булькало нечто многоцветное и пахучее, замерла с половником в руке. Ее спина, всегда сгорбленная, выпрямилась на миг. Не оборачиваясь, она рявкнула:

– Чувствуешь? Проклятый птенчик! Не справился! Напустил в священное место своего кипяточка, своего воплю!

Она швырнула половник в котел, и тот с глухим бульком исчез в глубине. Старуха развернулась, и ее лицо, изрезанное морщинами, как карта забытых троп, исказилось не столько гневом, сколько брезгливым раздражением садовода, увидевшего, как нерадивый подмастерье топчет редкий цветок.

– Я же говорила! Говорила! Сунула ему в лапы Навье зеркало, пустила по тропе, а он... он как слон в посудной лавке! Камень-то зачем дала? Чтобы хранил! А он его... испачкал!

Она затопала к центру комнаты, к тому месту, где висело теперь пустое Черное Зеркало. Его поверхность была темной и неподвижной, но по краям рамы еще ползли, затухая, крошечные серебристые искры – отголоски разрыва связи.

– Бабушка, – спокойно, но твердо произнес Чаром, закрыв книгу. – «Испачкал» – некорректный термин. Он изменил его внутреннюю структуру, внеся элемент собственной нестабильной сущности. Камень теперь не просто хранитель памяти. Он стал гибридом. Объектом с переменными параметрами. Это... беспрецедентно.

– Беспрецедентно! – передразнила его Яга, сверкнув на него одним глазом. – Тебе бы все в твоих свитках да табличках записывать! А я-то что Маре скажу, а? Я ведь у неё Навье зеркало просила на время! А теперь в него, можно сказать, плюнули! След незваного гостя остался! Это ж как бельмо на глазу у Владычицы будет!

– Сомневаюсь, что Мара воспримет это как «бельмо», – возразил Чаром, встав с невозмутимой плавностью. Он подошел к зеркалу, не касаясь его, лишь склонив голову набок, будто изучая больного. – Скорее как интересный курьез. Или... новый инструмент. Она всегда ценила неожиданные повороты. А трещина на Камне... это ведь не только его слабость. Это и канал. Слабая точка в защите артефакта.

Яга прищурилась, внезапно притихнув. Ее раздражение сменилось хищной, мгновенной расчетливостью.

—Канал, говоришь?... В самую суть его боли, значит, можно заглянуть? Или... что-то подсунуть?

— Гипотетически, — кивнул Чаром. — Но вмешательство на таком уровне рискованно. Сам факт повреждения уже привлек внимание. Не только наше.

Он жестом указал на один из углов избушки, где в тени висели связки засушенных трав. Один из них, пучок черного чертополоха, тихо рассыпалась в пыль, хотя сквозняка не было.

— Пограничье содрогнулось. Тени встревожены. Его провал создал всплеск. Не сильный, но... заметный для тех, кто следит за границами.

Яга хмыкнула, потерла свои костлявые руки.

— Ну, что ж... Пусть себе следят. Может, и Морена уже щекой повернула в ту сторону. Он хоть до Сада-то дотопал, как думаешь, умник?

Чаром на мгновение закрыл глаза, как бы прислушиваясь к тишине, что была гуще любого шума.

— Пока нет. Но он в пути. Эмоциональный выброс был кульминацией, затем последовал спад и... резкая стабилизация. Он подавил хаос. Не идеально, но достаточно, чтобы система пограничья признала его допустимой аномалией и вытолкнула к следующей точке маршрута — Серебряному саду. Его шансы пройти год и день службы... — Чаром сделал паузу, производя молниеносные расчеты, — ...возросли на двенадцать процентов по сравнению с моментом входа в зеркало. Поражение научило его большему, чем могла бы научить простая удача.

— Хитрый ты темный цветочек, — не без гордости пробурчала Яга, снова плетясь к своему котлу. — Печать-то свою возвратную он потянул, да?

— Потянул, — подтвердил Чаром. Серебристый знак, который он начертил у порога зеркала, теперь слабо светился на его ладони, как крошечная, холодная звездочка. — Связь не прервана. Он наш должник. И наш... актив. Теперь с измененными характеристиками.

В избушке снова воцарилась привычная, насыщенная магией тишина, нарушаемая лишь бульканьем варева. Но атмосфера изменилась. Была внесена новая переменная в уравнение. Провал Адала не был концом. Это был новый, опасный и потенциально очень полезный виток истории.

— Ладно, — отмахнулась в конце концов Баба-Яга, снова берясь за помешивание. — Пусть служит у Стража. Посмотрим, выйдет ли из него толк. А ты, внучек, следи за своей печатью. Если что... если он там опять начудит и сад Морены зазеленеет от его тоски, ты мне сразу доложи. Придется... вмешаться. По-старому. Со ступы, с помелом и без всяких там каналов-резонансов.

Чаром едва уловимо улыбнулся, возвращаясь к своему креслу. Его тень на стене снова стала абсолютно четкой и неподвижной.

— Конечно, бабушка. Но я сомневаюсь, что до этого дойдет. Он понял главный урок пограничья. Теперь он боится не стражей и не испытаний. Он боится самого себя. А такой страх — лучший учитель дисциплины.

И с этими словами он снова открыл фолиант, но теперь уже не читал, а что-то быстро и аккуратно набрасывал на чистый лист пергамента. Схемы. Расчеты. Проекции возможных развитий. История Адала перестала быть просто сказкой для ворона. Она стала рабочим документом, полем для экспериментов и источником ценных, пусть и добытых ценой чужой боли, данных.

Глава 7

Сад серебряных листьев

Путь к Саду оказался испытанием иного рода – не ярости, но томительной, вытягивающей душу пустоты. После слов Тени Адал остался один на зыбком краю искаженного пограничья. Теперь ему не на кого было положиться, кроме самого себя. Не на гнев, что оказался ненадежным союзником, а на ту ледяную, отточенную за год службы выдержку, что стала его новой сутью.

Дорога не желала проявляться просто так. Он стоял, а вокруг него медленно кружились, налипая друг на друга, как грязные хлопья снега, слои забытых теней и обрывков снов. Не было ни карты, ни тропы, ни даже привычных ориентиров вроде деревьев или камней. Было лишь тягучее, серое ничто, в котором время текло неровно, то ускоряясь до головокружения, то почти останавливаясь.

Адал закрыл глаза, отключив бесполезное зрение. Он вспоминал слова Яги: «Камень памяти там, где время стекает каплями». Он уже нашел его. Теперь нужно было искать сад. Но как? Он сосредоточился на самом понятии. Серебряный сад. Золотые яблоки. Он представлял не внешний вид, а суть: вечный, холодный порядок. Безупречную, застывшую красоту, охраняемую незабываемым стражем. Он искал не дорогу, а соответствие. Точку в этой бесформенной Нави, которая резонировала бы с этим образом.

Он начал идти, не глядя под ноги, доверяясь чутью. Пограничье реагировало на его внутреннее состояние. Когда в нем, сквозь ледяной панцирь, пробивалась старая, знакомая тоска по Исмилу, серость вокруг густела, превращаясь в липкие, похожие на паутину нити, цепляющиеся за руки и ноги, шепчущие ласковыми, мертвыми голосами о забвении. Он не отмахивался. Он наблюдал, как учили. Замечал, что нити тянутся из определенных точек, словно из гнезд. И тогда он менял курс, уходя от этих мест, – не потому, что боялся, а потому, что они вели не туда. Они вели в болото, в петлю собственной боли. А ему нужен был порядок. Бесстрастие.

Когда его охватывала усталость, желанная просто остановиться и замереть, пространство под ногами становилось зыбким, готовым превратиться в трясины апатии. Чтобы не утонуть, он заставлял себя вспоминать ритм работы в Серебряном саду. Медленные, выверенные движения. Скрежет серебряной пыли под тряпицей. Это возвращало твердь под ногами.

Шли дни, а может, недели. Он потерял счет. Его одежда истерлась о невидимые шероховатости пограничья, лицо стало жестче, взгляд – глубже и пустее. Он почти перестал чувствовать голод своей вампирской сути; этот мир питался иными соками, и его собственная вечная жажда притупилась, заместившись иной, духовной жаждой – найти путь.

Однажды он наткнулся на призрака. Не тень, а именно призрак – полупрозрачное подобие человека, бесцельно бродящее по серой равнине. Оно пело тонким, дребезжащим голоском бессмысленную песенку. Адал остановился, наблюдая. Призрак не обращал на него внимания. Он был поглощен собой, своим вечным, бессюжетным существованием. И в этом Адал с леденящей ясностью увидел возможный исход для себя: заблудиться здесь настолько, что стать таким же вечным, бессмысленным эхом. Этот образ ударил сильнее любой внешней угрозы. Он не испугался, но внутри что-то щелкнуло, как замок.

Он резко изменил направление, уходя прочь от призрака и всего, что он олицетворял. И вскоре после этого почувствовал перемену. Воздух, если его можно было так назвать, стал не плотнее, а... острее. В нем появился легкий, металлический привкус, едва уловимое холодное блескание на грани восприятия. И тишина – густая, глубокая тишина – сменилась едва слыш-

ным, высоким звоном, будто где-то очень далеко кто-то ударял по тончайшему хрустальному бокалу.

Адал последовал за этим звоном. Он вел его через полосу густого, похожего на жидкий свинец тумана, где каждый шаг давался с усилием, будто он толкал перед собой невидимую стену. Но звон становился отчетливее, превращаясь в чистую, ледяную ноту.

И вот туман рассеялся, как разорванная завеса.

Он стоял на краю. Под ногами был темный, отполированный до зеркального блеска камень, похожий на обсидиан. А впереди, в гигантской чаше, вырезанной в теле черной скалы, лежал он.

Серебряный сад.

Это была картина неземной, застывшей красоты. Деревья с листьями-чешуйками, трава, будто вытканная из проволоки, цветы с лепестками тоньше папиросной бумаги – все было из чистого, мертвенного серебра. Оно не просто отражало свет – оно генерировало свое собственное, холодное, голубоватое сияние, заливавшее каждую деталь, каждую идеальную грань. Воздух над садом дрожал от этого сияния, и в нем висела та самая высокая, звенящая тишина. И среди всей этой монохромной, леденящей роскоши горели, как малые солнца, золотые яблоки. Они висели на ветвях, тяжелые, налитые, излучающие теплый, живой свет, который казался здесь почти кощунственным. Их сладкий, дурманящий запах достиг его ноздрей, странный и манящий в этом царстве металла и холода.

В самом центре сада, у подножия самого огромного серебряного дерева, сидел страж. Неподвижный, как и все вокруг, закованный в латы, покрытые вековой патиной. Его шлем, стилизованный под голову хищной птицы, был опущен, руки сложены на рукояти огромного меча, воткнутого перед ним. Он не просто охранял сад. Он был его частью, его одушевленной, бдительной статуей.

Адал стоял на каменном выступе, глядя вниз. Многие месяцы в пути и служения в прошлом, и вот – первая веха на пути к Маре. Не испытание яростью или болью. Испытание временем, терпением и безупречностью. Он чувствовал, как где-то глубоко внутри шевелится тень старой, дикой тоски – не только по Исмिर, но и по простому, живому миру, где есть шероховатости, запах земли, несовершенство. Этот сад был полной его противоположностью.

Но он не дрогнул. Ледяное спокойствие, выкованное в его душе, не покинуло его. Он сделал шаг вперед, со скалы на первую серебряную ступень, ведущую вниз, в чашу сада. Его сапог коснулся металла с глухим, чистым звуком, отозвавшимся эхом во всем застывшем царстве.

В тот же миг забрало шлема стража поднялось с тихим скрежетом. Из темных прорезей на Адала упал взгляд. Пустой, бездонный, лишенный всего, кроме осознанного присутствия и безоговорочной власти.

Движений не последовало. Ни слова. Просто взгляд, замерший на прищельце, нарушившем совершенную тишину. Вопрос, обещание и приговор, вынесенные в одном молчаливом акте.

Адал медленно спустился по ступеням, вышел на серебряную дорожку, усыпанную мелкой, сверкающей пылью. Он остановился в десяти шагах от неподвижной фигуры, чувствуя на себе тяжесть того взгляда. В груди, где лежал Камень Памяти с его тонкой алой трещинкой, что-то едва слышно дрогнуло.

Он был здесь. В начале своего последнего, самого долгого испытания. В Серебряном саду с золотыми яблоками, под недремлющим оком его вечного Стража.

Глава 8

Серебро и земляника

Время в Серебряном саду текло иначе. Оно не убывало, не прибывало – оно кристаллизовалось. Каждый день был отражением предыдущего: монотонная, ювелирная работа по поддержанию совершенства. Скрежет серебряной пыли под тряпицей, полирующей лист. Тихий звон при починке отломанной веточки тончайшими серебряными нитями. Адал научился двигаться медленно, плавно, почти не оставляя следов на идеальной поверхности дорожек. Его собственное отражение в листьях и стволах казалось ему чужим – бледным призраком в царстве металла и холода.

Страж – его звали Легион, и это было не имя, а описание сути – почти не двигался. Он был точкой отсчета, осью, вокруг которой вращался застывший мир. Но его взгляд... его взгляд был вездесущ. Адал чувствовал его на своей спине, на руках, на затылке. Это был не взгляд надзирателя, а взгляд самого Сада, оценивающий, соответствует ли новое звено системы требуемому эталону. Малейшая ошибка, малейший признак нетерпения или тоски – и этот взгляд тяжелел, давя титановой тяжестью, пока Адал не исправлял «недочет» или просто не замирал, выдыхая из себя последние остатки эмоций, становясь на время таким же бездушным и точным инструментом, как серебряные ножницы в его руках.

Он почти забыл вкус ярости. Она теперь казалась чем-то далеким, ребяческим, как крик младенца. Но и надежда стала призрачной. Год и день. Бесконечность впереди. Иногда, полируя очередной яблоконесущий сук, он смотрел на теплое золото плода и думал, что оно похоже на глаза Исмир. Но эта мысль была опасной. Она грела и ранила одновременно, могла вызвать дрожь в пальцах. А дрожать здесь было нельзя.

Помощь пришла не оттуда, откуда он мог бы ожидать. И не в тот момент, когда он отчаялся.

Прошло, по его внутреннему счету, около трех месяцев. Он чистил сложную скульптурную группу у восточной стены скалы – серебряных оленей, вечно застывших в прыжке. Работа была кропотливой, нужно было прочистить мельчайшие чеканные завитки шерсти. Вдруг высокий, чистый звон Сада, его вечное звуковое сопровождение, дрогнул. Не смолк, а именно дрогнул, будто гигантский камертон чуть сбился с тона.

Адал замер. Даже Легион, неподвижный у своего древа, повернул голову на дюйм, шлем скрипнул.

Ветерка здесь не было. Воздух был неподвижен и стерилен. Но между серебряными рогами одного из оленей что-то шевельнулось. Не тень – здесь теней не было, только отражения. Что-то светлое, почти прозрачное. Бабочка.

Она была живой. Не серебряной, не выкованной. Ее крылья, тончайшие, полупрозрачные, отливали перламутром и бледным сапфиром. Она трепетала, явно дезориентированная, ее хрупкое тельце вздрагивало. Она была осколком иного мира – хрупким, теплым, уязвимым. И совершенно не принадлежащим этому месту.

Адал застыл, пораженный. За все время он не видел здесь ничего живого, кроме себя и Легиона. Да и они ли были живы в полном смысле?

Бабочка, сделав еще несколько неуверенных взмахов, опустилась на тыльную сторону его замершей руки. Он почувствовал призрачное, шелковистое прикосновение. И в этот миг из глубины его памяти, сквозь лед и дисциплину, прорвалось что-то острое и простое. Детское воспоминание. Лето. Луг. Исмир, еще девочка, с венком из ромашек на медных волосах, сме-

ясь, пыталась поймать такую же бабочку. Солнце, запах травы, чувство безмятежного счастья, которого он, проклятый отрок, мог быть лишь тайным свидетелем.

Грудь под одеждой, где лежал Камень, дрогнула. Тонкая алая трещинка на его поверхности будто сжалась, а потом пульсировала теплой волной. Не болью, а... чем-то иным.

Это длилось миг. Легион уже повернул голову обратно. Бабочка, словно получив заряд, вспорхнула с его руки и исчезла в узкой трещине скалы, ведущей куда-то вглубь, за пределы видимой чаши сада.

Адал остался стоять, чувствуя, как по его внутреннему льду пробежала сеть мелких трещин. Это была не ярость. Это была щемящая, невероятная нежность и тоска по чему-то настолько простому, что он забыл о его существовании. Он боялся пошевелиться, боялся, что это чувство разорвет его изнутри и он испортит все вокруг, как тогда, в пограничье.

Но ничего не произошло. Сад не рухнул. Звон восстановился. Легион был неподвижен. Лишь на полированной поверхности серебряного оленя, где секунду назад сидела бабочка, остался едва заметный, матовый отпечаток – будто пыльца.

Вечером, если смена холодного сияния на чуть более теплое можно было назвать вечером, когда Адал закончил свой круг и удалился в нишу в скале, служившую ему спальней, он обнаружил нечто. На каменном ложе, рядом с его тощей котомкой, лежал лист. Не серебряный. Обычный, зеленый, уже начинающий слегка увядать по краям. И на нем – три ягоды дикой земляники, крошечные, ярко-красные.

Он потянулся к ним, почти не веря. Запах ударил в ноздри – сладкий, терпкий, пьянящий запах летнего леса, солнца, жизни. Он прикоснулся к одной ягоде. Она была мягкой, теплой. Совершенно реальной.

Он осторожно взял одну и положил на язык. Вкус взорвался во рту воспоминаниями: трава под босыми ногами, шепот Исмил, тепло ее руки в его, смех, который не был проклятием, а был просто счастьем. Слезы, острые и жгучие, которых он не знал уже много лет, подступили к глазам. Он не дал им пролиться, проглотив их вместе со сладостью ягоды. Плакать было нельзя. Плач тоже мог нарушить порядок.

Но помощь была оказана. Кто-то или что-то напомнило ему, зачем он здесь. Не ради бессмысленного служения, а ради той, чей образ теперь ожил с невероятной силой. Он был не просто слугой. Он был живым существом, пусть и проклятым, у которого была любовь. И это давало силу, отличную от ярости и от стоического спокойствия. Это была тихая, упрямая решимость.

На следующее утро, придя к оленям, он увидел, что матовый отпечаток на серебре все еще там. Он не стал его полировать. Это было его маленькое, личное тайное неповиновение – сохранить след чуда.

А спустя несколько циклов работа привела его к той самой трещине в скале, куда улетела бабочка. Она была узкой, темной, едва заметной среди идеальной полировки черного камня. Он просунул руку внутрь, проверяя, нет ли там повреждений или мусора. Его пальцы наткнулись не на холод камня, а на что-то волокнистое, теплое и сухое. Он вытащил маленькое, аккуратное гнездышко из мха и тонких травинок. Пустое.

Но когда он заглянул в трещину снова, ему показалось, что в глубине, за поворотом, мелькнул слабый, теплый свет. И до него донесся едва слышный звук. Не звон серебра. Тихий, монотонный, убаюкивающий гул... Прялки?

В ту же ночь в его нише появился новый «подарок». Кусок темного, грубого хлеба, еще теплый, пахнущий дымом и ржаной коркой. И глиняная кружка с чистой, холодной водой, от которой исходил легкий запах родника и мха.

Адал понял. Он здесь не один. В самой толще скалы, в недрах, не тронутых серебром и властью Морены, жил кто-то. Кто-то, кто помнил о простой жизни, о тепле, о хлебе. И кто, рискуя поддерживал в нем искру человечности.

Он не знал, кто это. Дух скалы? Низвергнутый прежний страж? Скромная служительница, спрятавшаяся от всевидящего ока Легиона? Неважно. У него появился тайный союзник. Не тот, что ведет в битву, а тот, что помогает не сломаться в бесконечной, вымораживающей душу очереди дней.

Когда Легион своим молчаливым взглядом указывал на малейший изъян, Адал чинил его с прежней безупречностью. Но внутри он уже не был пустым. Внутри он хранил вкус земляники, запах хлеба и шелковистое прикосновение крыльев на своей коже. Он полировал серебро, а сам думал о тепле живой земли. Он слушал высокий звон Сада, а в ушах у него звучал далекий, убаюкивающий гул прялки из скалы.

И год и день перестали казаться приговором. Они стали дорогой. Длинной, холодной, но ведущей к цели. И теперь он шел по ней не с одной лишь волей, туго натянутой, как тетива. Он шел с тихим, сокровенным знанием: даже в самом сердце вечной мерзлоты может теплиться жизнь. И эта жизнь, хрупкая и тайная, была его самым мощным – и самым опасным – оружием. Ибо если Легион или сама Морена узнают о ней, помощь обернется катастрофой. Но пока что это был его секрет. И его спасение.

Глава 9

Шепот в толще камня

Работа у трещины стала ритуалом. Каждый цикл, полируя оленей, Адал задерживался там на несколько лишних мгновений. Он ничего не говорил, лишь касался пальцами шероховатого края скалы, как бы проверяя его на прочность. И помощь продолжала приходить. То пучок сушеных трав с медовым запахом, то еще один лист с ягодами, то полоска мягкой, небеленой ткани, чтобы обернуть натруженные ладони. Молчаливая переписка милостыней и намеками.

Он научился прятать эти дары внутри своей котомки, под складками одежды. Их тепло и запах стали его тайным щитом против всепроникающего холода. Он даже начал менять маршрут уборки, стараясь чаще оказываться у восточной стены, надеясь уловить тот самый гул прялки или мелькнувший свет.

И однажды, когда высокий звон Сада слегка приглушился – возможно, из-за редкого сгущения серебряной пыли в воздухе – трещина ответила.

Не голосом. Шелестом. Едва слышным, словно сухие листья трутся о камень. Адал замер, прижав ладонь к холодной поверхности.

Шелест повторился, и в нем угадывался ритм. Не случайный. Он походил на шаги. Мелкие, легкие, удаляющиеся вглубь. А потом – тишина, и снова шелест, но уже ближе, будто его звали.

Сердце Адала забилося так, что он боялся, будто его услышит Легион. Он оглянулся. Страж, как всегда, был неподвижен у своего древа, силуэт его растворялся в отсветах серебра. Решение созрело мгновенно, подогретое месяцами тихой тоски и внезапной надеждой. Он проверил инструменты на поясе, сделал вид, что скребком подцепляет невидимую соринку с основания скалы, и начал окурратно проходить через узкую щель боком.

Камень обнял его холодом и теснотой. Пройти можно было, только выдыхая воздух из легких и двигаясь плавно, без рывков. Свет сада остался позади, сменившись густой, бархатной тьмой. Только через несколько шагов впереди забрезжило слабое, теплое свечение, исходящее не от серебра, а от чего-то живого – мха или грибов, растущих на стенах.

Трещина расширялась, превращаясь в низкий, извилистый тоннель. Воздух здесь был другим – влажным, пахнущим сырой землей, грибами и... шерстью. Тем самым убаюкивающим гулом, который он слышал раньше, теперь наполнялось все пространство. Это действительно была прялка. Ритмичный, умиротворяющий звук вращающегося веретена.

Он вышел в небольшую пещеру. Свод ее был утыкан мягкими светящимися шариками древесных грибов, отбрасывающими желтоватый, почти солнечный свет. В центре, на камне, обтянутом домотканым пологом, сидела она.

Не старуха и не дух. Девушка, почти ровесница ему. Ее волосы, заплетенные в простую косу, были цвета тусклого серебра, но не холодного металла, а скорее лунного света на пепле. Лицо – бледное, серьезное, с большими глазами, казавшимися слишком темными в этом мягком свете. На ней была простая серая одежда, а пальцы, ловко управлявшиеся с куделью и веретеном, были испачканы землей и краской от растений.

Она не испугалась его появления. Лишь подняла глаза, и в них не было ни удивления, ни страха. Только глубокая, усталая печаль и понимание.

– Ты долго шел, – сказала она. Голос был тихим, хриловатым от долгого молчания, но чистым, как вода из ее кружки. – Но все, кто помнит тепло, находят эту щель. Рано или поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.